

ПОСЕССИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ И СЕМАНТИКА НЕУЧАСТИЯ В СИТУАЦИИ*

А. Н. Хитров

МГУ им. Ломоносова, Москва

khitrov@e-mail.ru

Предикация даёт концепт ситуации с нек. участниками. При этом нек. референты могут концептуализовываться как *не* участвующие в ситуации. Следствия из наличия такой семантики, соотносимой с посесив. позицией, интересны для проблем внешней посессивности, посессив. прономинатов, мены падежа на генитив при отрицании.

Понятие посессивной конструкции (ПК) подразумевает наличие двух имён, представляющих концепты некоторых объектов действительности, которые связаны тем или иным посессивным отношением¹. Если имена связанных между собой предметных концептов выступают в составе атрибутивной синтагмы, можно говорить о *конструкции с внутренним посессором* (напр., [иг брат Алёши], кабинет завуча, наш класс). При этом, зависимое имя синтагмы (Алёша, завуч, мы) можно называть *обладателем* или *посессором*, а вершинное (брат, кабинет, класс) — *обладаемым*. Возможен другой случай, когда члены ПК синтаксически непосредственно не связаны, как в примере (1):

- (1) Вчера [иг мы] [иг всем классом] ходили на экскурсию

Тогда можно говорить о *конструкции с внешним посессором*. Мы придерживаемся данной терминологии вслед за [Кибрик 2000]. При рассмотрении явления, которое будет нас интересовать, достаточным окажется интуитивное представление о конструкциях с внутренним и внешним посессором как разных типах ПК. Чёткое определение последних, а также разграничение их различных структурных подтипов не преследуется целями данной статьи, поэтому ограничимся здесь сказанным.

1. Семантика неучастия в ситуации

Перейдём к примерам (2а–б). Первый из них взят из рассказа В. Т. Шаламова «Ягоды», а второй является видоизменением первого:

- (2) а. ...Фадеев... повернул [иг меня] [иг лицом] к небу носками своих сапог
б. ...повернул [иг моё лицо]...

Предложения различаются типом используемой ПК. В (2б) посессор *я* синтаксически подчинён обладаемому *лицо*, с которым он образует единую именную группу. В (2а) члены ПК соподчинены глаголу и непосредственно уже не связаны. Оба примера заимствованы из работы [Брыкина 2003], где в частности

отмечаются денотативные различия данных предложений. В первом случае поворачивается весь человек, всё его тело, во втором — только голова. Собственно, здесь уже и можно говорить о семантике неучастия в ситуации. Поясним, что имеется в виду. Глагол концептуализует некоторую ситуацию перемещения, при этом в (2б) посессор представляется не участвующим в перемещении, а в (2а) положение или, точнее, ориентацию в пространстве меняет не только обладаемое, референтом которого является часть тела, но и посессор, референт которого совпадает с автором повествования. Таким образом, один и тот же референт соответствующий посессору, может представляться то участвующим в ситуации, то не имеющим к ней непосредственного отношения. В последнем случае, учитывая наличие такого уловимого противопоставления, как в примере (2), и уместно говорить о семантике неучастия в ситуации.

Рассмотрим менее очевидный пример, демонстрирующий интересующую нас семантику. Если в предложениях, разобранных выше, речь шла об обозначении разных ситуаций действительности, т. е. о денотативном различии, то ниже мы обратимся к более тонким случаям, где различия касаются только концептуального уровня, но не денотативного. С этой особенностью, как представляется, и будет связана их меньшая очевидность. Главный герой в отрывке (3а) находится в лечебном заведении, ему снится страшный сон. Приходит санитар и щиплет его за руку, чтобы тот проснулся:

- (3) а. Я рвусь из ремней и вою от ужаса. Кто-то щиплет [иг м о ю руку], и грязный душман, грозя мне окровавленным ножом, уползает. Открываю глаза и вижу санитаря со шприцом. — Эй, приготовься. Начальство идет (Кукаркин Е.).
б. Заведующий прочитал бумажку и попросил дежурного ущипнуть [иг его] [иг за руку]. Дежурный растерянно выполнил эту просьбу. Заведующий поморщился от боли, снова посмотрел на листок и промолвил. — Невероятно! (Лагин Л. Старик Хоттабыч)

В параллельном примере (3б) глагол *ущипнуть* вводит ту же ситуацию, что и *щипать* в (3а), если брать во внимание тот факт, что в обоих случаях, в отли-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 05-06-80288.

¹ Понятие посессивного отношения мы уточнять не будем. Случай, когда одно из имён представляет концепт ситуации, а не предмета (напр., *воспитание детей*), нас интересовать не будут.

чие от (2), действию подвергается не только часть тела, но и обладатель этой части тела. Все остальные различия мы не учитываем, поскольку они к делу не относятся. Во втором предложении отрывка (3а) говорящий, как бы абстрагируясь от себя, описывает, что происходит с некоторым объектом, который вообще-то является частью его тела. Таким образом, посессор снова представляется как бы вне ситуации.

2. Мотивация семантики неучастия

Чтобы дать некоторое объяснение факту возникновения интересующей нас семантики, необходимо разобраться в назначении ПК. ПК позволяет выражать один объект через некоторое отношение к другому объекту. Это отношение в самом общем смысле может быть названо отношением когнитивной сопряженности (см. [Кибрик и др. 2004]). Два концепта могут быть когнитивно сопряжены онтологически, т.е. по природе вещей, как в случае отношений части тела или родства. И тогда использование ПК реализуется как бы объективные коммуникативные запросы, навязывается действительностью. Однако пользователи языка могут связывать предметные концепты ситуативно в рамках некоторого актуализованного фрагмента действительности или ситуации. Здесь можно говорить о реализации с помощью ПК творческих субъективных коммуникативных запросов. Однако во всех случаях суть такого запроса сводится к необходимости выразить один предмет через отношение к другому².

В рамках когнитивного подхода для описания общего устройства ПК Р. Лангакер предлагает модель с понятием ориентира [Langacker 1993, 1995a, 1995b]. Сущность этой модели заключается в том, что один концепт (= посессор) выступает в роли ориентира при установлении ментального контакта с другим концептом — целью (= обладаемое). Отношение между ориентиром и целью представляет собой особый вид *метонимии*, т.е. отношение когнитивной *смежности* или сопряженности. Некоторые концепты устроены таким образом, что, желая получить к ним ментальный доступ, человеку необходим концепт-ориентир. Реляционные имена типа *отец*, обозначения частей тела как раз и предоставляют пользователям языка такие концепты. Если рассматривать эти имена в денотативном плане, то их референты не могут быть установлены, если не будет известен некоторый другой референт — т.е. того, кому первый референт является отцом, или того, кому принадлежит часть тела. Та же картина наблюдается на сигнификативном уровне, только используются термины сигнификатов или концептов. Таким образом, можно говорить об определённой аргументной структуре этих имен (ср. [Goldberg

² Онтологическая и ситуативная когнитивная связь предметных концептов намечают только крайние точки шкалы. Между ними балансируют разные переходные случаи, к которым, вероятно, можно отнести случай отношения законного обладания, напр., *автомобиль з-на N*.

1995; Polinsky/Comrie 1999: 534–5]). Подобная аргументная структура может заполнять валентность некоторого предиката.

Прибегая к определённому упрощению, мы исходим из того, что предикат представляет носителю языка в распоряжение концепт некоторой ситуации с определённым количеством участников. Пользователь языка дополняет этот концепт с помощью предметных концептов, которые конкретизируют участников ситуации. Если среди этих концептов встречается такой, который требует для себя концепта-ориентира, то последний естественным образом привносится в концепт ситуации. Поэтому оказывается, что в концепте ситуации число предметных концептов превышает количество участников. Возникает необходимость определить отношение «лишнего» объекта действительности к ситуации. Тот факт, что места всех участников заняты, уже и даёт повод рассматривать привнесённый объект действительности как не имеющий отношения к ситуации, не участвующий в ней. Возможно, именно этим обусловлено возникновение семантики неучастия в ситуации. Данная семантика интересна тем, что обосновывает парадоксальную семантическую роль, определяемую отрицательно, а не положительно, как обычные роли. Зависимое атрибутивной синтагмы³, связывающей имена предметных концептов, может маркировать участника ситуации, который в ситуации не участвует. Говоря более строго, посессивная позиция эксплицитно неучастие некоторого предмета в ситуации.

Из данного утверждения вытекает несколько следствий. Во-первых, можно семантически противопоставить основные типы ПК как разные средства концептуализации места дополнительного референта в ситуации. Во-вторых, может быть найден некоторый подступ к проблеме русских прономинатов, поставленной К. И. Казениным (подробнее см. ниже). Последнее следствие, которое представляется скорее спекулятивным, касается проблемы генитивного подлежащего. Рассмотрим эти случаи по порядку.

3. Некоторые следствия

Явным образом семантика неучастия была обнаружена при анализе предложений, представляющих собой минимальные пары и различающихся только типом ПК. Была предложена некоторая мотивация возникновения подобной семантики. Теперь же, основываясь на предложенном объяснении, можно снова вернуться к разным типам ПК.

3.1. Типы ПК как разные средства концептуализации

Как уже говорилось, используя предметный концепт, требующий для себя ориентира, говорящий сталкивается с одной необходимостью. Ему надо определить, какое отношение этот ориентир имеет к

³ Существительное в генитиве или притяжательные местоимение (*ваш*) или прилагательное (*мамин*).

ситуации. В предыдущем разделе был дан только один вариант решения этой проблемы — предмет, конструктор которого представляет концепт-ориентир, в ситуации не участвует. Однако почему бы не попробовать найти для этого предмета в ситуации какое-нибудь место, т. е. семантическую роль, и тем самым ввести его в состав участников? Это, по-видимому, и позволяет сделать конструкция с внешним посессором.

Если посессивная позиция — позиция зависящего в атрибутивной синтагме — маркирует такой объект, который не участвует в ситуации, то внешний посессор представляет концепт референта-ориентира наоборот в русле участия в ситуации.

Вернёмся к примерам (2а–б) и дадим им уже объяснительный комментарий. В примере (2б) использован внутренний посессор, что определяет неучастие соответствующего референта в ситуации. Участник *лицо* имеет семантическую роль Темы, т. е. перемещаемого объекта. Лицо является неподвижной частью головы, голова — частью тела, которую можно двигать независимо от последнего, хотя и в определенных пределах. В виду этого всего передается смысл перемещения одной только головы. В (2а) используется внешний посессор, референт-ориентир входит в состав участников ситуации, роль Темы приписывается уже ему. Что касается части тела, то она приобретает семантическую роль, которую можно назвать *Внутренний ориентир*⁴. Поэтому семантическая трактовка другая.

Рассмотрим ещё два отрывка:

- (4) а. Он [козёл] долго лизал [_{иг} м о ю р у к у], а я почувствовал, что, даже если бы показалось над ямой голубое в свете луны лицо покойника, я бы только крепче прижался к моему козлу, и мне было бы почти не страшно. Я впервые узнал, что значат живое существо рядом. Наконец ему надоело лизать [_{иг} м о ю р у к у], и он неожиданно сам улегся рядом со мной и снова принялся за жвачку. (*Искандер Ф. Созвездие Козлотура*)
- б. — Здравствуй, Мурада! — поздоровался с собакой Илларион. "Здравствуй!" — ответил про себя Мурада и приветливо вильнул хвостом. <...> — Крепко досталось тебе? "Порядком", — ответил про себя Мурада и взглянул на ушибленную ногу. — Не огорчайся, пройдет... <...> улыбнулся Мурада, тряхнул ушами и стал лизать [_{иг} И л л а р и о н у] [_{иг} р у к у].

⁴ Чтобы избежать возможной путаницы, следует оговориться. Понятие внутреннего ориентира никак не связано с ланкаевским понятием ориентира, активно используемым в нашей статье. Внутренний ориентир противопоставляется внешнему ориентиру. Обе эти роли встречаются у предикатов положения в пространстве (*стоять*), перемещения (*встать, поставить*), когда необходимо ввести идею ориентации, и у собственно предикатов изменения ориентации в пространстве (*повернуть(ся)*), напр., *лицом* [Внутренний ориентир] *к окну* [Внешний]. Внутренний ориентир денотативно всегда является частью актанта с ролью Темы и позволяет установить положение внутренней системы координат этого актанта относительно Внешнего ориентира.

— Что с его мордой? — спросил меня Илларион. — Обжегся, дурак. Вчера вздумалось ему стащить со сквороды мчади, вот и угодил носом в огонь... (*Думбадзе Н. Я, Бабушка, Илико и Илларион*)

В первом случае говорящий описывает ситуацию с двумя участниками. Посессор представляется не вовлеченным в ситуацию, им является сам говорящий. Для говорящего при описании внешнего мира может быть естественным абстрагироваться от себя. Вместе с тем, когда посессор представляет собой лицо, отличное от повествователя, он может привлекать больше внимания, поскольку описываемое действие естественно связывать с положительным отношением субъекта ситуации к посессору. Поэтому посессор можно рассматривать как дополнительного участника ситуации с ролью Бенефактива.

Таким образом, в зависимости от использования конструкции с внешним или внутренним посессором, носитель языка может по-разному представлять количество участников ситуации, а следовательно, и её структуру. Конструкция с внутренним посессором позволяет определить статус референта посессора как не участвующего в ситуации, а конструкция с внешним посессором, наоборот, ввести посессор в состав участников.

3.2. Проблема русских прономиналов

Данная проблема рассматривается в [Kazenin 1999]. Далее кратко изложим её сущность. В рамках теории связывания было выделено такое противопоставление анафорических средств, при котором различаются анафоры и прономиналы. Их отличие сводится к следующему. Анафоры требуют антецедента в пределах некоторой локальной области, определяемой поддеревом составляющих. Прономиналы, наоборот, не допускают нахождения антецедента в пределах некоторой локальной области. В русском языке к анафорам относится местоимение *себя*, а к прономиналам — местоимение *он*. Первое требует антецедента в минимальной финитной клаузе, второе — не допускает антецедента в пределах предикации⁵.

- (5) а. Петя_i налил себе_{i, *j} чаю
б. Петя_i налил ему_{*i, j} чаю

Проблема состоит в том, что в русском языке прономинал может иметь антецедент в той же предикации. Причём этим свойством характеризуются только посессивные прономиналы:

- (6) а. Отец_i попросил Петю_j [Ø] забрать его вещи со старой квартиры]
б. Пете_i было холодно в его_{i, j} машине
в. Во время встречи министра_i с его_i заместителями было принято много важных решений.

Таким образом, посессивные и непосессивные прономиналы ведут себя по-разному, посессивная

⁵ (5, 6) — примеры К. И. Казенина.

позиция оказывается противопоставленной позиции актантной и сирконстантной.

Для решения этой проблемы можно выделить дополнительную локальную область, ещё меньшую, чем предикация, но которая может и совпадать с последней. Как известно, противопоставление актантов и сирконстантов отражает обязательность/необязательность участников. Однако и в обоих случаях речь идёт именно об участниках ситуации. Одни из этих участников определяются толкованием глагола, а другие привносятся в концепт ситуации своим присутствием в синтаксической структуре (см. [Падучева 2004]). Таким образом, актантные и сирконстантные позиции глагола можно объединить в единицу с названием *ситуация*. Она будет соответствовать предикации с отсечением посессивных позиций (см. рисунок). Исходя из сделанного выше утверждения, посессивная позиция кодирует такие объекты, которые не участвуют в ситуации. Получается, что посессивный прономинант в примерах (ба–в), находясь вне ситуации, связывает антецедент, который располагается внутри ситуации.

Похоже, есть примеры, где прономинант, занимающий посессивную позицию, может связывать антецедент, стоящий в другой посессивной позиции той же предикации:

(7) Друг Васи_i попросил его_{i,j} брата помочь ему.

Здесь можно предположить, что каждая посессивная позиция представляет собой отдельную локальную область. Такое предположение сделать естественно, поскольку посессивные позиции не связаны друг с другом в синтаксическом дереве⁶.

Можно думать, что есть также примеры типа (8), которые в рамках предложенного подхода не находят объяснения:

(8) Вася разговаривал с Петей_i, о нём_{i,j}

(8') Вася разговаривал с Петей_i, о его_{i,j} работе.

Однако, допустимость предложения (8) или, по крайней мере, благозвучность при интересующей нас интерпретации всё же не так бесспорна, как в случае примеров (ба–в) или (8').

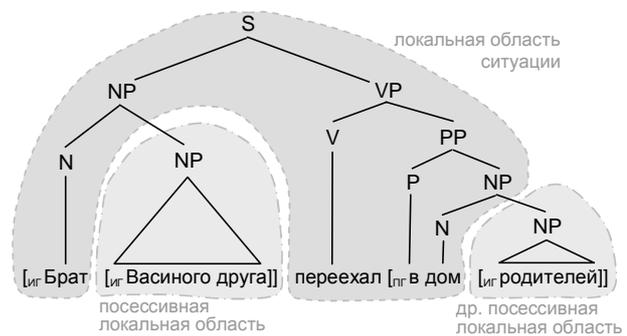
3.3. Генитивное подлежащее

Последнее следствие, которое мы рассмотрим, касается мены именительного или винительного падежа на генитив при отрицании (см. примеры (9) и (9')). Оно довольно интересно, но представляется несколько спекулятивным.

(9) Мама ваше письмо *в. п.* получила. Оно *им. п.* у неё на столе.

(9') Мама вашего письма *р. п.* не получала. По крайней мере, его *р. п.* нет у неё на столе.

⁶ Имеются в виду посессивные позиции, подчинённые непосредственно тем или иным актантам или сирконстантам. Если же посессивная позиция синтаксически зависит от другой посессивной позиции, их разумно будет рассматривать как одну локальную область.

Сама проблема генитивного субъекта/объекта при отрицании привлекала к себе внимание многих исследователей. Мы не будем здесь излагать разные точки зрения (для этого см. среди последних работ [Падучева; Успенский 2004; Апресян 2005] и библиографию к ним), а только попытаемся показать, как это можно связать с семантикой неучастия.

Приименной генитив является одним из тех средств, которые кодируют зависимый статус имени в атрибутивной синтагме (см. сноску 3) и с которыми, как утверждалось выше, связывается семантика неучастия в ситуации. Эта семантика является базой для определения отрицательной семантической роли. Такая роль поддерживается и на синтаксическом уровне. В случае приименного родительного это проявляется в том, что соответствующее имя подчинено не глаголу, а его именному аргументу (своего рода принцип «вассал моего вассала — не мой вассал»). Если же говорить о генитивном субъекте или объекте, то здесь также можно усматривать отрицательную семантическую роль. Синтаксически она поддерживается фактом, наоборот, подчинения предикату (что как бы удостоверяет статус обозначаемого генитивом предмета как одного из участников ситуации) и наличием при глаголе отрицания. Однако семантически она устроена по-другому. Если в случае приименного родительного речь идёт о предмете, не участвующем в некоторой имеющей место ситуации, то в случае генитива приглагольного имеется в виду предмет, участвующий в такой ситуации, которая не имеет места. Возможно, семантика второго рода получается из семантики неучастия в ситуации в результате контекста отрицания.

Можно предложить другую трактовку, устанавливающую связь приглагольного генитива с семантикой неучастия напрямую. Мы допускаем, что он просто маркирует роль того, кто не участвует в ситуации⁷. И эта роль выступает своего рода дополнительным экспликатором того, что ситуация не имела места (последнее выражается обычным отрицанием, которое при генитивном субъекте/объекте обязательно). Данное утверждение можно пояснить следующей метафорой: совершив подвиг, человек становится героем, за это его награждают медалью, но, если бы даже его не наградили, он всё равно герой. Отрицание соответствует факту героизма или подвигу, а родительный падеж — медали.

⁷ Это, кстати, хорошо согласуется с утверждением, что генитив передаёт идею несуществования (см. [Падучева 2004]).

Тем не менее, семантическую мотивацию родительного субъекта/объекта при отрицании естественнее, как думается, связывать с партиitivностью, а не с выявленной семантикой неучастия. Объяснение через партиitivность (данной «политики» придерживается, в частности, Б. А. Успенский в своей монографии [2004]) представляется более правдоподобным с типологической точки зрения.

Список литературы:

Апресян Ю. Д. О московской семантической школе // *ВЯ*, 2005. №1, с. 3–30.

Брыкина М. М. *Некоторые наблюдения над семантикой конструкций с внешним посессором в русском языке: опыт корпусного исследования*: Курсовая работа. М., 2003.

Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // *Слово в тексте и словаре*. К 70-летию Ю. Д. Апресяна. М.: ЯРК, 2000. С. 429–441.

Кибрик А. Е. и др. Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междуна-*

родной конференции «Диалог'2004». М., 2004. С. 265–275.

Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: ЯСК, 2004.

Успенский Б. А. *Часть и целое в русской грамматике*. М.: ЯСК, 2004.

Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Kazenin K. Complementation and constraints on pronominals in Russian // *Тезисы конф. FASL8*. 1999. [<http://www.cis.upenn.edu/~fasl8/kazenin.htm>]

Langacker R. Reference-Point Constructions // *Cognitive Linguistics*. 1993. №4, p. 1–38.

Langacker R. Possession and Possessive Constructions // J. Taylor, R. MacLaury (eds.) *Language and the Cognitive Construal of the World*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 51–79.

Langacker R. Raising and Transparency // *Language*. 1995. №71, p. 1–62.

Polinski M., Comrie B. Possessor Raising in a Language That Does Not Have Any // D. L. Payne, I. Barshi (eds.) *External Possession*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. P. 523–42.